

Поиски сходства двух культур, США и России, проходящие красной нитью через весь американский период научной работы Питирима Сорокина, имеют в своей основе переплетение научных, политических и личностных аспектов его творчества. Разрешение противоречия культурного двуединства Сорокин нашел в общих культурно-исторических основах России и США, а также в обращении к общечеловеческим ценностям как в мировоззрении, так и в научных интересах.

П. П. Кротов

Поиски единства двух культур в научном творчестве П. А. Сорокина

Алексис де Токвиль ещё в XIX в. писал: «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы. Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе. Все остальные народы, по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста, им остаётся лишь сохранять имеющееся; эти же постоянно растут. Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперёд, к пока еще неизвестной цели. <...> У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из этих наций стать хозяйкой половины мира»¹.

Питирим Сорокин может являться символом конференции, материалы которой публикуются в данном сборнике, соединяя Россию, Штаты и Вологду. Основатель факультета социологии в Гарвардском университете, автор 50 книг, переведённых на 26 языков мира, учёный, сделавший важнейшие открытия в области социальной структуры и мобильности, аграрной социологии и социологии науки, публичной социологии и конфликтологии,

истории философии и амитологии, Питирим Сорокин родился на Севере России, в семье странствующего устюжского «церковных дел мастера» и зырянской крестьянки. До вынужденной эмиграции Питирим Сорокин был в центре исторических событий революции, стоял у истоков современной социологии в России, основал факультет социологии в Петроградском университете. Несколько раз Сорокин выступал в Вологде с лекциями².

В статье затрагиваются аспекты сорокинского внимания к сравнению русской и американской культур, связанные с причинами его постоянного обращения к данной тематике.

Что касается личностного аспекта, то Сорокин сам представлял собой образец соединения культур. Вначале это было соединение финно-угорской и русской культур, а затем – российской и американской. Понимание интеграции финно-угорской и русской культур в контексте статьи значительно менее важно, чем более поздняя интеграция в культуру Нового Света. Каким образом сам Сорокин определял свою культурную идентификацию, и было ли это для него проблемой вообще? Может быть, после того как он навсегда остался в Америке и именно здесь достиг своего всемирного признания, русские корни остались в нём не более чем частью семейной истории?

Доказательства того, что Сорокин постоянно размышлял на тему своей культурной идентификации, содержатся и в его переписке с супругой Еленой Петровной, пока она оставалась в Праге, и в том, что рабочий кабинет и библиотека Сорокина в Винчестере содержат большое количество книг об истории России и её культуре с его пометками. Наконец, его единственная работа, написанная в США на русском языке и лишь недавно опубликованная под названием «Записки о кочующей Америке», показывает, насколько глубоко сходства и различия двух культур интересовали Сорокина³.

В стремлении определить себя в новой культурной среде нет ничего необычного, все эмигранты сталкиваются с этим вопросом. Однако, в отличие от большинства эмигрантов, Сорокин не ушёл в крайние позиции – или полную ассимиляцию через отторжение своей культуры, или же субкультурную изоляцию внутри основной культуры новой страны.

Крайности ассимиляции, в частности, находят выражение в том, что наиболее радикальная позиция по отношению к новым эмигрантам часто наблюдается среди уже получивших гражданство. Например, наиболее активными сторонниками закона против нелегальной эмиграции в Калифорнии были легальные мексикан-

цы, получившие гражданство. Нередко показателем «разрыва» с прежней культурой является смена имени, которая является своего рода инициацией эмигранта как новой личности в новом мире.

Вторая крайность – неприятие новой культуры и замкнутость в жизни диаспоры, как правило, формирующейся вокруг собственной религиозной конфессии, также до сих пор является достаточно распространённым явлением. Примером такой замкнутости явился А. И. Солженицын: прожив в США более десяти лет, он так и не смог ни понять, ни интегрироваться в американскую среду. Вермонт оказался для него своего рода комфортабельным заключением.

Сорокин же не отказывался ни от российского происхождения (фамилия, как пример), ни, будучи верующим человеком, никогда не акцентировал религиозность и не выделял православие или христианство в качестве основы своей идентичности. Что касается «крайней ассимиляции», то он, несмотря на его признание даже чрезвычайно консервативной бостонской аристократией, охотно общался и поддерживал русских эмигрантов. В качестве его близких друзей и крестных его детей были семьи профессора истории Йельского университета Михаила Ростовцева и дирижёра Бостонского симфонического оркестра Сергея Кусевицкого⁴, изобретателя вертолёта Игоря Сикорского⁵. Художник Мстислав Добужинский многим обязан Сорокину в своей новой карьере в США. Именно благодаря визовой поддержке Сорокина писатель Владимир Набоков смог выбраться из находящейся под угрозой гитлеровской оккупации Франции в США⁶. Полностью отрицая и отказываясь от любой политической деятельности эмиграции, Питирим Сорокин активно поддерживал деятелей русской культуры чрез Фонд Льва Толстого⁷.

В то же время, как американский гражданин, Сорокин регулярно участвовал в выборах, его супруга Елена Петровна была избрана в муниципальный совет города Винчестера. Он постоянно интересовался политической и общественной жизнью страны, вёл переписку с Гербертом Гувером, выступал с публицистическими статьями в газетах, резко критиковал Голливуд и читал американские детективы⁸. В общем, вёл полноценную жизнь типичного американца.

Подспудно же, у него всегда было желание вернуться в Россию. Поэтому, как только началась «хрущевская оттепель» и учёным из Советского Союза разрешили с ним общаться, он с радостью откликнулся⁹. За год до своей смерти, после того как врачи поставили ему диагноз рака легких, он планировал передать большую часть своей библиотеки в Ленинградский университет¹⁰.

На личностном уровне, как мне кажется, проблема соединения двух культур была решена Сорокиным поиском их общности, что позволяло уйти от внутреннего конфликта. Причём Сорокин оказался идеальной фигурой для решения этой задачи. По определению Роберта Мертона, по отношению к американской культуре он был одновременно и «аутсайдером», и «инсайдером»¹¹.

Какие же общие черты выделяет Питирим Сорокин в работе «Россия и США», в которой сравнение двух культур является основным предметом исследования?¹²

Кажущаяся разница между коммунистической диктатурой и республиканской демократией, воинствующим атеизмом и свободой религии, загадочностью русской души и американским прагматизмом, русской эмоциональностью и умеренным оптимизмом американской психологии – это, с точки зрения Сорокина, лишь расхожие стереотипы, при ближайшем рассмотрении имеющие мало общего с реальностью¹³.

Реальность же, как пишет Сорокин, заключается в том, что Америка и Россия обладают чертами национального характера, которые, в отличие от стереотипов, показывают сходство ценностных систем. К ним относятся веротерпимость, самоуважение при уважительном отношении к другому, готовность принять представителей других культур и национальностей, взаимопомощь¹⁴.

Кроме того, как Россия, так и США стремятся к «универсализму» в своей культуре и органическому соединению совершенно разных этнических и региональных особенностей. Как часть универсализма Сорокин отмечает некий идеализм в стремлении народов, а иногда и правителей, к участию и помощи другим народам. В России это проявлялось в «пангуманизме» XIX в. «Русский коммунизм, даже в его извращённой форме, также выражает это космополитическое стремление к общему братству и равенству», – полагал Сорокин¹⁵. В этом смысле, США демонстрируют удивительное сходство в идеализме по поводу международного сообщества не только в форме масштабных программ гуманитарной помощи, но и в стремлении к моральной и структурной трансформации мирового порядка, что было выражено «14 пунктами Вудро Вильсона».

Что касается политического аспекта поиска единства двух культур, то здесь внимание Сорокина объяснялось исторической обстановкой в момент выхода его книги «Россия и США» в 1944 г. Эта работа во-многом напоминала сорокинское научное предвидение глобального характера Второй мировой войны¹⁶, хотя мало кто в США тогда ожидал, что она коснётся их страны. В 1944 г., когда эйфория

близкой победы и общего братства против нацизма доминировала в общественном мнении, Сорокин видел как перспективы, так и опасности формирования двух сверхдержав для последующего международного развития. Перспективы были в том, что супердержавы имели все возможности создать мировое устройство, обеспечивающее длительный мир. Опасность же, по мнению Сорокина, заключалась в том, что отсутствие мира между двумя супердержавами грозило новой катастрофой. Поэтому работа Сорокина, демонстрирующая наличие коренных социально-культурных, исторических и институциональных сходств между нациями, звучала своего рода призывом к правительствам обеих стран к продолжению сотрудничества, заложенного совместной борьбой против фашизма и всем ходом исторического развития. Непонимание политиками глубокой схожести между двумя нациями, от которых будет зависеть, насколько продолжительным будет мир, – это, по убеждению Сорокина, отрицание возможности длительного и прочного мира без войны¹⁷.

Определяя США и Россию как сверхдержавы, характеризующиеся значительным территориальным пространством и богатыми природными ресурсами, Сорокин видит в этом их неизбежность быть «империалистичными», то есть иметь широкие горизонты и далёкие перспективы. Однако «империалистичность» и статус великих держав, по его мнению, отнюдь не сводятся только к военной, политической или даже экономической мощи. Они требуют создания выдающихся культурных и урбанистических центров. По этим параметрам Россия и США отличаются от всех остальных стран, так называемых, «малых держав»¹⁸.

Другая общая черта, сближающая ценности обеих стран, – это их культурное, этническое, расовое разнообразие. Россия и США представляют собой, по выражению Сорокина, «плавильные котлы» разнообразных расовых, этнических, национальных и культурных сообществ и народов. Из «единства в разнообразии» Россия и Соединенные Штаты создали богатую созидательную культуру, превосходящую те, что были созданы любым социальным однорасовым образованием¹⁹.

Идеология «расы хозяев», по убеждению Сорокина, с неизбежностью ведёт к порабощению «остальных», уничтожая естественное стремление человечества к равенству и солидарности. В противоположность этому, Россия и США предприняли эксперимент, который заслуживает уважения, по крайней мере, с точки зрения общечеловеческих ценностей. И та, и другая страна, каждая по-своему, стремятся создать общество равных возможностей²⁰.

Весьма созвучными нашему времени звучат рассуждения Сорокина о стереотипах коллективной ментальности «русской и американской души». Если «американская ментальность» представляется как практицизм, рациональность и трезвость, то «русская душа» ассоциируется с некой загадочностью, нерациональностью и т. д. Сорокин показывает, что в реальности в американской столько же русской ментальности, сколько и в русской – американской. Главное, как отмечает Сорокин, в том, что эти различия возникли в результате конкретных исторических и социальных обстоятельств и ни в коей мере не основаны на биологических или расовых различиях. Русские, продолжает Сорокин, точно так же не склонны к революциям и войнам, как и американцы. За 158-летний период (1775–1933 гг.) в России было зафиксировано 48 военных лет, в Соединенных Штатах – 46²¹.

Анализируя социокультурные институты, Сорокин вновь приводит неожиданные, с точки зрения существующих стереотипов, аргументы, демонстрирующие близость двух наций. В отличие от политиков, Сорокин сравнивает исторические тенденции, которые для обеих стран, по его мнению, развиваются в направлении демократизации. При этом и в той, и в другой стране в конкретные исторические периоды происходили девиации. В 1944 г. для Сорокина сталинский режим – отнюдь не имманентное для России состояние, так же, как и гордость американцев – система прав и свобод человека. Сорокин напоминает, что и Гражданская война, и другие войны вели в США к существенному ограничению этих свобод. Пуританство первых колоний в районе Массачусетского залива и режим Конфедеративных Штатов Америки были далеки от демократических. Кроме того, демократия не сводится только к степени политических свобод. Она, с точки зрения Сорокина, идёт глубже в основы и институты общества (такие, как семья, образование, равенство полов). По этим параметрам как дореволюционная Россия, так и Россия тридцатых годов не только не уступает, как пишет Сорокин, но и превосходит показатели западных стран²².

Вслед за этим Сорокин делает вывод, который стал поистине пророческим в течение XX и XXI вв.: «Америка с неизбежностью будет расти как военная сила, если не будут достигнуты истинное миротворчество и унификация человечества»²³.

В публицистических статьях и письмах к руководству США Сорокин неоднократно подчёркивал уникальность своей политической оценки обоих государств как эксперта, изнутри знающего обе политические культуры и потому призывающего к миру²⁴. То, что

впоследствии было приписано Сорокину как теория конвергенции, в реальности было стремлением к сохранению мира. Единственным шансом к этому было, с точки зрения Сорокина, тесное сотрудничество между Россией и США.

Что касается научного аспекта интереса Сорокина к двум культурам, то этот интерес связан, прежде всего, с социологической моделью общества и культуры, над которой работал Сорокин, теорией циклических социокультурных суперсистем. Суть сводилась к тому, что западная цивилизация проходит через определённые циклы, или социокультурные системы, – сенсативную, идеациональную и идеальную. Переходные между ними периоды сопровождаются ростом общественных катаклизмов, отрицанием существующих ценностных систем, что, как правило, отражается в общественном сознании и связанных с ним культуре, политике, идеологии. Современную ему западную цивилизацию Сорокин оценивал как переходный период к идеациональной социокультурной системе или же кризис сенсативной системы ценностей²⁵.

Обращение Сорокина в научной деятельности к глобальной проблематике возникает именно с начала 1930-х гг., в гарвардский период его деятельности. Не имея точных данных о том, что подвинуло Сорокина выйти на транснациональный уровень анализа, можно предполагать, что именно схожесть многих институциональных и культурных аспектов двух стран стимулировала его к началу грандиозного проекта, опубликованного затем в четырёх томах «Социальной и культурной динамики».

Таким образом, частое обращение Сорокина к близости культур России и США во многом определялось его собственным внутренним состоянием как носителя двукультурного единства, пониманием значимости обеих стран в историческом развитии и стремлением навести мосты между русской и американской культурами ради сохранения мира.

Примечания

¹ *Токвиль А., де.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 296.

² *Панов Л. С.* «Жизнь движется и в Вологде...» : Питирим Сорокин в общественной и культурной жизни Вологды, 1911–1917 // Вологда : краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 181–202.

³ *Сорокин П. А.* Кочующая Америка // Питирим Сорокин : грани жизни и творчества (неизвестный Сорокин) / под. ред. Ю. В. Яковца и А. О. Бороновой. М., 2009. С. 417–427.

⁴ *Сорокин П. А.* Долгий путь: автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 203–206.

⁵ Питирим Сорокин : избранная переписка / под. ред. П. П. Кротова. Вологда: Древности Севера, 2009. С. 28–35.

⁶ Там же. С. 156–159.

⁷ Там же. С. 159–160.

⁸ Сорокин П. А. Долгий путь. С. 262–263.

⁹ См. переписку П. А. Сорокина с АН СССР в книге: Питирим Сорокин : избранная переписка. С. 143–148.

¹⁰ Там же С. 262.

¹¹ Merton, R. K. *Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge* // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol. 78, 9–47.

¹² Sorokin P. *Russia and the United States*. New York: E. P. Dutton & Co., Inc., 1944.

¹³ Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США // Социс. 1993. № 8. С. 133.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Sorokin, Pitirim A. *Russia and the United States*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2007. P. 19.

¹⁶ Сорокин П. А. Долгий путь. С. 212.

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США. С. 134–135.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Там же. С. 138.

²¹ Sorokin, Pitirim A. *Russia and the United States* P. 16.

²² Ibidem. P. 16

²³ Idem. P. 22.

²⁴ См. письмо П. А. Сорокина президенту США Дж. Ф. Кеннеди в книге: Питирим Сорокин : избранная переписка. С. 14–16.

²⁵ Sorokin, P. A. *Social and Cultural Dynamics*. Vol 3. New York: Harper and Row, 1967. P. 341.

Summary

P. P. Krotov

Searching for Common Features Between American and Russian Cultures in Pitirim Sorokin's Works

The search for the commonality between Russian and American cultures being a major idea of Pitirim Sorokin's works during his American period is based on scientific, political and personal aspects of his activity. Sorokin sees the unity of the two countries in their similar cultural and historical foundation and their appeal to the common human values of perception of the world and science as well.